

февраль 1943г. →

Е. Зелик,

Начальник штаба дивизии

« В ТЕ ОГНЕННЫЕ ДНИ »

Москва, 1972г.

ЗЕЛИК
ЕВГРАФ
ИЛЬИЧ

ЗМКСД

В феврале 1943 года дивизия походным порядком совершала марш в ночных условиях на новый участок. По прибытии в район сосредоточения был назначен новый командир дивизии генерал-майор Михаил Никитович Клешнин. Это был волевой человек, сразу же изучивший каждого командира полка, их организаторские и боевые качества.

Совместная моя с Клешниним служба настолько глубоко запала в мою душу, столь сильно, что снова и снова возвращаюсь мысленно к тем сложным боевым дням, когда приходилось переживать горести и радости. Вот некоторые его качества, как руководителя.

~~С детства Илья был отличником и отличился в детстве, когда добровольно пошел в армию, которая~~
Добровольно пошел в армию, ^{которая} ~~стала~~ стала смыслом всей его жизни. Больше сорока двух лет он посвятил военной службе. Состарился он, не изведав веселой юности. Его твердая воля и стойкость духа помогали ему преодолевать всякие невзгоды и трудности. Неуклонно соблюдал достоинство человека и честь перед лицом своей совести. Жизнь научила его быть проницательным. Он размышлял, правильно анализировал и строго оценивал самые незначительные с виду поступки. Речь его отличалась краткостью, сжатостью, точнее он был молчалив и малословен. Но малословие его исходило не от недостатка мужества, знаний, а скорее от скромности и сосредоточенности, не допускавшей тщеславия и хвалы. - "Если можно извинить нищество, - неоднократно говорил он, то ничем нельзя оправдать то выпрашивание похвал и наград, которыми занимаются некоторые из нас".

Наступательный бой - это такое испытание, где обнаруживаются все наши нравственные и моральные ценности.

На поле брани, особенно в тяжелые моменты боя, Клешкин был, точнее казался хладнокровен, слокоен. Он никогда и ничего не просил о чем-либо лично для себя, он скорее умер бы, чем стал бы хлопотать о чем-нибудь, даже о признанных своих беспспорных правах. Его уважали и любили, и прежде всего за то, что он не допускал, чтобы подчиненные с ним разговаривали скованно, связано. Он любил создавать импровизированные резервы при организации боевых порядков, особенно в наступательном бою. При двухшелонном боевом порядке дивизии полковую школу или лыжный батальон или специально выделить батальон в свой резерв. Словом, генерал этот один из тех безвестных героев, который не стремится к славе, к честолюбию, а прежде всего, стремиться к выполнению своего долга, выполнению боевой задачи. Есть полководцы, им благодарные потомки ставят памятники. Есть подчиненные (исполнители), которые сами следуют за полководцами, но разве они не заслуживают уважения, если малые каждодневно несут за героем свое нелегкое оружие? Глянешь, заговоришь - зедет себя свободно, излучая сдержанную простоту, сердечность. И в то же время удивительная собранность, нравственная и интеллектуальная. И это потому, как я убежден, что есть у него прочный духовный стержень.

Дивизия прибыла в указанный район, где вновь предстоял прорыв сильно укрепленной позиционной обороны противника. Фронт полосы прорыва - три километра. Типерь москвичи стали хорошими мастерами военного дела. Командир дивизии с командирами полков и родов войск провел рекогносцировку по свежему покрову снега по переднему краю, где увязал все вопросы взаимодействия между участками и соседями.

Он уже знал, что командир полка подполковник Василий Захарович Ефанов один из самых стойких и смелых офицеров, который всегда знал, как распределить свои силы и способ^{ен}~~ен~~ выполнить боевую задачу.

- Вот что, Василий Захарович, - заговорил генерал, я знаю, что голова твоя не для шапки только. Наступать тебе на главном направлении дивизии. Как ты смотришь на это?

Ефанов молчал и генерал молчит. Бывают моменты, что можно и без слов разговаривать. Они и действительно поняли друг друга, хотя разговаривали только глазами. Ефанов слушал, мялся и сразу почувствовал ту боевую генеральскую теплинку, которую начальник проявляет к подчиненному. Царапнула и порадовала ухо Ефанова фраза: "Наступать тебе на главном направлении". Генерал сразу понял, что Ефанов был доволен. Ведь на направлении главного удара выбирается не только наиболее боеспособный полк, но и наилучший командир полка. По окончании рекогносцировки в районе сосредоточения дивизии командир дивизии собрал весь сержантский состав боевых частей и подразделений и провел с ними теплую задумчивую беседу о предстоящем наступлении. Генерал перед собравшимися сержантами. На нем была новая генеральская шинель с золотыми погонами, что особенно привлекло внимание сержантов, так как до этого предыдущий командир дивизии носил только полевую форму. Обветренное лицо генерала казалось огрубелым, бронзовым, словно ветры и морозы дубили его долгие годы. Сначала он постоял, потом сделал несколько шагов вперед, назад, взгляды в людей. Со всех сторон глядели на него устремленные глаза сержантов, приготовившись слушать нового командира дивизии. За спиной генерала стоял подтянутый,

Петра и Павла
с ясно-голубыми глазами, чисто выбритый его адъютант, капитан Савченко с блок-нотом в руках. Командир дивизии взглянул вдаль: в ложбинах, в оврагах виднелись бесконечная вереница сугробов, крыш, избушек, кустарников, легкая морозная мгла. На лбу его образовалась складка, седые брови его жмурились. По-видимому, это волновало генерала. Он посмотрел еще раз вперед, туда, где придется солдатам штурмовать укрепленные позиции врага. Но, несмотря на то, что творилось в его душе, внешне, как всегда, он оставался спокойным и неторопливым.

в эти моменты
- Ну, товарищи, - начал он, обращаясь к сержантам, которых было около двухсот человек, - знаю из вашего боевого опыта, что дрались, как герои, не щадя своей жизни.

В его манере говорить не было ничего от ораторского искусства. Сила его воздействия заключалась в совершенной простоте и спокойствии, что особенно оттеняло смелость его доводов и уверенность в победе.

Глаза всех сержантов сосредоточены на генерале.

- Заслуженно вам присвоено гвардейское звание, - продолжал он, - сильный духом человек умеет преодолеть страх. И он *чуждым жестом* подчеркнул: - Трус и в жизни мертв, а храбрый и мертвый живет. Он рассказал еще много интересного, поучительного в наступательных боях своей и других дивизий. А ему было что рассказать. Он даже забыл о своем генеральском звании и буквально зажигался воспоминаниями о битвах солдат и офицеров за наши города и села, в которых участвовал лично сам.

Сержанты ни на минуту не отвлекались, сосредоточенно, внимательно слушали генерала. И он еще с грубоватым юморком обрисовал нравы хвастунишек-фрицев, которые бросали оружие и всю свою технику, бежали без оглядки там, где появлялся храбрый

русский солдат.

- «Вся Москва радуется, - с повышенной интонацией сказал генерал, - своему герою солдату! Советский солдат вжде желанный гость!» Слушая его, сержанты все больше и больше начинали понимать, что война - дело куда более сложное, чем им представлялось. Они представили себе, как нелегко в бою подчинить командиру своей воле людей. Генерал кивком головы дал знак своему адъютанту капитану Савченко о вызове командиров частей на совещание и тут же обратился к своим слушателям: - «Сержанты, - заговорил он, но уже повелительным тоном, - вы основа основ в боевых порядках подразделений. От вашего умения, твердости и воли будет зависеть многое. Перед нами боевая задача - прорвать позиционную оборону противника. Выполнение боевой задачи зависит не только от соотношения сил и средств, но и от того, как будет действовать каждый из нас. От ~~этого~~ чувства, которое должно быть у всех нас.

В ночь на 14 февраля полки заняли исходное положение для штурма вражеской обороны. Небо было серебристо-звездное. Дул северо-восточный ветер. Над головами вновь слабо белел широкий развивающийся дымно-прозрачный рукавами млечный путь, наполненный висящей в них звездной россыпью. Впереди где-то дальше остро мигали вспышки артиллерийских выстрелов, а в тылу в ясных массах слышны разрывы снарядов. Несмотря на то, что солдаты в теплых полшубках, но обдувало чувствительной прохладой. Мороз змеей ползет под полшубок каждому и как-будто прищуривается и смотрит на солдат острыми, как комариное жало, глазами, щиплет колит, особенно лицо и руки. Вот батальон капитана Ивана Петровича Околота в первой траншее. Солдаты его батальона, как и каждого полка дивизии, находясь в траншеях парами, группами и в одиночку

кто отбивал ногами Дробь, согреваясь; кто молча вглядывался в сугробы, холмы, крыши населенных пунктов Большое Стречно, Малое Стречно, кто смотрел на отягченные ином кустарники, стоявшие рядом с траншеями. Некоторые ругали, дразнили колбасников-фрицев, изредка приподнимаясь на локтях, вглядывались туда, где притаился враг. А кое-кто сердито ворчал, что нельзя даже развести костер, согреть брахо чем-нибудь горячим.

- "Кто поел всласть, тому и смерть не напасть" - говорили они.

Еще один последний приказ и вся эта застывшая масса людей двинется, ринется ураганом. Каждый солдат отлично понимал, что по сигналу командира надо подняться и идти в атаку на врага. Ефрейтор Зырянов и рядовой Герасименко рядом локоть в локоть как бы присосались к траншее. Далее, в пяти метрах рядовой Анищенко - бывший студент математического факультета и рядовой Фадеев - бывший студент третьего курса филологического факультета - весельчак и задумчив по натуре. Все считали его простым добродушным, исполнительным солдатом. И он действительно был таким. Часами он лежал на мерзлой земле, крепко обхватив автомат, и думал, думал. Где-то ~~видим~~ в подсознании у него родилась мысль, что путь его жизни завершен. Вся обстановка клином проникла в его душу, он нервничал. Но, когда нервы его входили в свои берега, в мыслях его рождалась непреклонная воля жить. И он загорался душевной радостью. Он вытер рукавом полшубка концы своих коротких черных усов, призадумался, наконец, спрашивает: - "Что заставляет меня идти в атаку, страх или собственное самосознание?" И сам себе отвечает: - "Точно не знаю". Думаю и то и другое... Преодолеть такую крепость!"

- "Крепость, что крепость? - перебил его Анищенко, человек вот крепость, истинная непобедимая! Да что об этом толковать. Воду варить - вода и будет." И лицо его приняло слегка лукавый и насмешливый вид.

- "Знаю" - протяжно и сухо ответил Фадеев, скользнув неодобряющим взглядом, но Анищенко, изменив свое прежнее положение, снова повторил.

- "Знаю. Знаю и то, что по одной дадено, а не по две. Одну потеряешь, другой не найдешь".

- "Да ведь тебя возненавидят", - возбужденно ответил Анищенко, и при каждом его слове мускулы на шее напрягались и перекатывались, как бичевки. И он поправил на поясе патронташ и снова:

- "Да я в мыслях не держу, что дальше будет. Что будет, то и будет. Кто же должен выполнять боевую задачу, как не мы? Можем ли мы остаться в траншее вдвоем, когда по сигналу все поднимутся и пойдут в атаку? Да нас с тобой проклянут. Мы окажемся чужими всему свету. А о них будут говорить, как о героях, они будут в памяти людей."

Фадеев хранил молчание и хладнокровие, думал про себя. С появлением нового поколения войны, катастрофы забываются. Остается в их памяти, как в море после бури, лишь легкая зыбь. Общество помнит только победителей, а павших быстро забывают. Он поправил, вернее проверил, не перекошены ли патроны в диске автомата, закурил и снова взглянул на Анищенко, продолжал:

- "Я не говорю, что не пойду в атаку. Я представляю, как под свист пуль и осколков врага в каждый миг может тебе пробить живот, грудь, ноги, череп!"

- "Ну разумеется, - спокойно сказал Анищенко, - каждому до- рога жизнь. Понятно, - далее продолжал он, закуривая, - война жестокое, ужасное дело. Ну, что же делать? На войне, как на войне. О гуманности тут говорить не приходится. Ты вот. Фадеев, заговорил о черепе, вновь обращаясь к собеседнику, глядя ему в лицо. Что же развозжи череп врагу, сохранишь свой, не суме- ешь - снесут твой, вот и вся философия". И тут он потер кист- ти своих рук, чтобы не щипал мороз, посмотрел в сторону против- ника и как бы невзначай спросил: - "Это первый твой наступа- тельный бой?"

- "Нет, не первый, - хмуро ответил Фадеев. И он рассказал, как в августовских боях в 1942 году он участвовал в наступле- нии ^{на} Демянской ^{ли} группировки противника в районе реки Сутоки. "Страшная схватка людей. Дрались за каждый сантиметр. Мы взяли траншею и деревянно-земляной вал. Перестрадали не мало. Несмотря на все ужасы смерти, я был погребен под грудями зем- ли и мертвецов. Надо сказать, мне еще везло. Как видишь живой. Правда, автомат и гимнастерку пробило, меня не тронуло. А там сколько осталось - только земля-матушка знает. Нет хуже, чем окопы, да еще среди болот. Куда зимой только волки приходят воду пить. Весь мокрый, в кирзовых сапогах чавкают ноги, боло- тистая почва втягивает в свою тину. Сплошной огонь. Тпру! Да стоит ли говорить!!! Все шло у него кругом. Много передумал. Ему стало казаться, что все, чему его учили, было все книжное, отвлеченное, не жизненное, а лишь что-то вроде лечения верой. А знания практического, взятого из жизни со всеми ее противо- речиями и разнообразием, ему не давали. А вот здесь, на поле боя - думал он, - настоящая жизнь. Как один помогает другому, не думая о личном интересе, даже о личной жизни.

Это останется для меня законом теперь навсегда.

Наступили сумерки. Генерал, находясь на командном пункте дивизии в землянке, куда были вызваны командиры полков, начальники родов войск уже для окончательного уточнения деталей плана атаки. Вечер был холодный, вокруг лесные массивы, да серый простор. По-зимнему синевшие дали казались неоглядными, красивыми, как на картине. Ветер продувал людей насквозь, ноги ныли, лоб, скулы ломило. Прибывшие офицеры скрипели сапогами от замерзшего снега. Их голоса раздавались как-то странно. Пар от дыхания вьется при каждом слове, точно они курят. Тонкий дымчатый иней садится на ресницы. Генерал молча, мерно шагал от одной стенки землянки к другой. Он то над чем-то задумывался, то садился за бревенчатый стол, всматривался в обстановку на карте. Затем глазами дал знак, чтобы заходили.

- "Прошу, заходите", - раздался голос начальника штаба дивизии. Все по трем ступенькам вошли в землянку, которая была сделана в обрыве крутого оврага. Землянка постепенно наполнялась офицерами и морозным паром. Печка гудела, от раскаленной докрасна трубы тянуло жаром, отчего поднимался влажный пар. Нахло сырость. С потолка этого мрачного "замка" мерно стучали в тишине капли, падающие на земляной пол. Справа от генерала сидел заместитель командира дивизии по политчасти полковник Александр Павлович Лазарев. Все офицеры расслабились с блок-нотами в руках, приготовились слушать. Вот командир 159 стрелкового полка подполковник Федор Борисович Чернуслих. Выше среднего роста, волосы подстрижены бобриком, отчего его лоб казался выше, что еще больше удлиняло его продолговатое лицо. Подчас голова его кружилась хмелем честолюбия. Непоседлив, вспыльчив. Вскочит газ - пробку вынимай спокойно. Он принадлежал к тому

складу людей, которым нелегко отделаться от раз напавшего в голову стремления - любыми путями выйти в люди. Любит лезть. Да лезть. Это было самое сильное оружие против него. Стоило бывало кому-то намекнуть, что он смелый, храбрый офицер, как в нем точно заиграет кровь и им обуял порыв. Он как бы рвался в бой и, еще не одержав победы, чувствовал себя победителем. Вместе с тем, надо отметить, что он был энергичен, инициативен. Хотя в деле инициативы над ним требовался жесткий контроль.

✓ В тактическом отношении был мало подготовлен. При получении боевой задачи, он не интересовался, не проникался замыслом командира дивизии. Такие вопросы, как уяснение задачи вышестоящего начальника, он считал, что это просто теория и не больше. - "Это бесплодная, никому не нужная болтовня, - думал он, - будет силен мой полк, буду спокоен. Мощь полка - вот что важно. А теория пусть будет кому угодно, но не мне". Одним словом, в его характере не было ничего прочного, устойчивого.

✓ Вот командир 161 стрелкового полка подполковник Василий Захарович Ефанов. В дивизии он являлся из числа командиров полков - старожилом. Принял полк в августе 1942 года и командовал им более двух лет. Этот офицер хорошо врезался в жизнь, он не скользил по её поверхности, а шел, как добрый плуг, пахавший целину. Грузный, крапивоцекий, широкий в плечах, кисти рук крупные, коренастый, средних лет. Говорил баском, но когда не в духе, баритонировал. Со стороны было видно, что для него полк - это все. Полк для него был домом и домом неизменным, милым, дорогим. Этот офицер без дипломатии, без всякого мечтательного философствования, и в этом он видел не слабость, а силу.

Настоящая самообытная открытая русская душа! Он владел умением потребовать четкого выполнения приказа словом, взглядом, жестом. Судил обо всем метко, верно. Человек твердой воли, ни разу за два с половиной года в дивизии не отвернул ~~глаз~~ / глаз от смерти, а смотрел ей прямо в глаза.

Командир 157 стрелкового полка подполковник Иван ^{Иван} Илларио^н и ~~и~~ Дудченко спокойный, дисциплинированный, исполнительный офицер. При отдаче приказаний никогда не повышал голоса на подчиненных. Командующий артиллерией дивизии полковник Гавриил Иванович Синотов, дивизионный инженер майор Федор Васильевич Котлов, начальник связи дивизии майор Константин Васильевич Волков, заместитель командира дивизии по тылу полковник Николай Петрович Нестеренко, начальники средств усиления.

Генерал встал с суровой сосредоточенностью в полусогнутом состоянии всматривался в обстановку на карте и в лица офицеров.

- "Майор Котлов", - спросил генерал, - мой приказ в подготовке чучел-мишеней выполнен?"

- "Сто чучел-мишеней в белых халатах в первой траншее, товарищ генерал, проверил лично сам."

- "Полковник Нестеренко, - далее спросил генерал, - когда будет подан завтрак в боевые порядки частей?"

- "Завтрак и по сто граммов водки будет подано к четырем часам. Одновременно разрешите доложить, товарищ генерал, что организация по доставке боеприпасов в боевые порядки и вопросы эвакуации раненых полностью подготовлены."

- "Иван". - Дубров.

- "Полковник Синотов, - сказал генерал, - вот из опыта прошлого наступательного боя дивизии артподготовка была такая,

что казалось все было накрыто и уничтожено. Но только наша пехота успела ворваться в переднюю вражескую траншею, как ^{такой} огненные точки врага ожили и открыли /огонь, что продвижение пехоты и орудий сопровождения для прямой наводки оказалось невозможным. Получается, что грохоту много, но враг — он не дурак. Он наши уставы знает на зубок. Взяли его в вилку, он уходит в глубокие укрытия, прилегающие к траншеям блиндажи и дзоты по пять-семь накатов. БФЯ по такой крыше, блиндаж дрожит, земля сыплется, и только. Не годится нам такое дело — уже повелительно закончил генерал. — Правильно надо движение пехоты вести за огненным валом. Надо одновременно орудия сопровождения катить за пехотой. Как оживет ^{ГОЕ} ~~жизнь~~ огневая точка, ударил прямой наводкой, дальше. От этого будет зависеть многое.

После всех уточнений и уяснений офицеры отправились в свои полки. Остался генерал со своим адъютантом и автором этих строк. По движению его мускулов и сосредоточенности было не трудно понять глубокую озабоченность командира дивизии, борьбу чувств между надеждой и неудачей. Он взглянул на часы, стрелки показывали четверть второго. Затем он вышел из землянки и стал прислушиваться. Взглянул на голубой небосвод, туда, где притаился враг. Не уловив ничего существенного, вернулся. В такие моменты командир становился сосредоточенным, молчаливым и даже злым. То он присядет, опершись локтями в стол, то попытается вздремнуть, но не может. Были мучительные ожидания того, что должно произойти. Наконец, одел белый халат, а вместе с ним его адъютант со связными и охраной, и перед тем, как отправиться на наблюдательный пункт для управления боем, сказал:

- Я должен сказать вам, начальник штаба, что меня волнует глубокий слой снега, так как он будет затруднять продвижение нашей пехоты и боевой техники. На случай, ^{всего} добавил он, - в штаб армии не доносить, пока я не дам на это указания.

- Да, действительно правильно учат наши полководцы, - думал я, - что подвиг в бою длится несколько часов, а готовиться к нему надо всю жизнь. Так и генерал Клешнин, как умный врач, никогда не относится пренебрежительно к самому ничтожному недомоганию, так и умный генерал никогда не смотрит с пренебрежением на противника, хотя бы он значительно уступал ему в силах. Я еще раз взглянул в лицо, в глаза генерала, и в это мгновение крепко подумал: - да, теория одно, а практика - другое. В теории все предусмотрено, все учтено. На практике столько невероятных неожиданностей, столько может быть отклонений, что без своей твердой точки зрения легко можно упустить возможное.

Полковник Ефанов возвратился на командный пункт своего полка, где были начальник штаба полка майор Ярошкевич и другие офицеры штаба полка.

- Я все время думаю, - сказал Ефанов, согревая руки от горячей трубы топившейся печки, обращаясь к начальнику штаба, - что мы с вами не доделали еще? Чего не учили? Что еще у нас слабое место?" И он ту же дал Ярошкевичу ряд указаний, не взирая на усталость, отправился на передний край полка, проверял готовность подразделений к атаке, давал советы, указания. И только во второй половине ночи прибыл на свой наблюдательный пункт, откуда будет вести управление боем полка.

15 февраля. День наступления. Впервые нашей дивизии предстояло наступление как гвардейской. Москвичи своими боевыми подвигами завоевали звание "гвардейская". Каждый участник этого коллектива стал носить звание: "Гвардии рядовой", "Гвардии лейтенант", "Гвардии капитан" и т.д. Гвардия - это сила, мощь, крепость, надежда! Густоснежный февраль наворотил круглые сугробы на всем поле, на все овраги, крыши избышек. Впереди сплошная белая пелена, с появлением солнца сверкает и ослепляет зрение. Белые барашки доверчиво и неподвижно лежат на голубом небе. Мороз щиплет щеки. 8 часов утра. В воздухе заревели моторы нашей авиации. Началась артиллерийская подготовка, где было сосредоточено по 246 орудий и минометов на каждый километр фронта прорыва. Солдаты в исходном положении. В окопах, в траншеях противника неподвижно и нем. Напряженность, упругость, ожидание. 738 орудий и минометов в полосе прорыва совместно с авиацией горласто, мощно заревели без отдыха, как по переднему краю, так и в глубине обороны противника. Чтобы представить мощь ударов авиации и огня артиллерии, может свидетельствовать тот факт, что ^{на} каждый квадратный метр переднего края обороны врага ~~до~~ ^{ле}жало ^{ле}жало полтонны смертоносного металла. Достаточно сказать, что во время атаки переднего края обороны противника было захвачено четверо пленных. Вот один из них - Рихтер Клюбс, лет сорока пяти, хочешь не хочешь своим внешним видом наводил тоску на всех нас. Все у него в лице, в фигуре висело вниз, точно стручок перца, длинный мясистый красный нос, свисали до подбородка двумя тонкими нитками усы, старенький летний мундир болтался на его покатых плечах и впалой груди, как на вешалке.

Пленные на первом допросе не отвечали. Сначала мы предположили, что они не хотят выдавать военную тайну. Но через медицинских работников установили, что трое из них сошли с ума, как выразились наши бойцы: "Винты сорвались". Да и не удивительно, что после такого мощного удара артиллерии и авиации могут действительно "винты сорваться". Здесь артиллерия, этот "бог войны", сыграла очень важную роль в деле выполнения боевой задачи. Командующий артиллерией дивизии полковник Синотов, командир артиллерийского полка полковник Николай Федорович Пономарев - этот замечательный наш "артиллерист батя", как все его любя звали, вложили много умения в дело обеспечения пути нашей матушке - пехоте. Характерно, что оставшийся нормальным четвертый пленный Габек на русском ломаном языке заявил: "Русски артилеру допрый артилер. Отшень допрый". После последнего огневого налета по переднему краю обороны противника, командир дивизии впервые в дивизии решил обмануть противника. И это ему удалось. Когда огонь артиллерии был перенесен в глубину обороны, в первый траншеи были подняты чучело-мишени. Неуничтоженный противник поднятие чучел-мишеней принял за атаку нашей пехоты и открыл по ним огонь. Тут же наша артиллерия сосредоточенным огнем окончательно подавила остатки системы огня обороны противника.

В 10 часов 05 минут "занавес открылся". Началась атака, таран!!! 161 стрелковый полк под командованием подполковника Ефанова успешно ~~захватил~~ захватил первую позицию врага.

Развивая наступление по захвату его второй позиции - позицию полковника резервов, где расположены сильно укрепленные опорные пункты Малое Стречно и Большое Стречно (Новгородская

область). Эти крепкие "орехи" оказали сильное сопротивление. Продвижение подразделений полка затормозилось. Один батальон наступал на Большое Стречно, основные силы полка Ефанов сосредоточил на охват на наиболее сильно укрепленный опорный пункт Малое Стречно с задачей охватить опорный пункт и уничтожить живую силу врага.

Командир дивизии генерал Клешиин, находясь на наблюдательном пункте, взобрался по ~~заранее подготовленной лестнице~~ на высокую сосну, неторопливо вертя в руках бинокль, наблюдая за ходом боя, обнаружил выдвижение из глубины контратакующую пехоту с танками в направлении полка Ефанова. ~~Списавшись~~
Приказал: " Организовать противотанковую оборону. Подготовиться к отражению контратаки врага. К исходу дня овладеть опорными пунктами. Дивизионная артиллерийская группа сейчас дает сосредоточенный огонь по контратакующему противнику". ~~Сразу же~~
Наблюдатели полка доложили Ефанову: " Примерно батальон пехоты противника с самоходно-артиллерийскими установками направляется на Большое Стречно". Ефанов на мгновение задумался: /
- "А не пытается ли противник обмануть нас, нацеливая свою первую контратаку на Большое Стречно, чтобы отвлечь основные силы полка от более мощного опорного пункта Малое Стречно, так как он является основой обороны". Ефанов был прав. Несколько позже стало совершенно ясно, что враг к этому и стремился. Широта командирской мысли Ефанова всегда заслуживала уважения. Постоянно изучает, анализирует, замысел противника, отыскивает его слабые стороны и всегда думает над тем, как лучше и с меньшими потерями решить боевую задачу.

Как сейчас вижу Ефанова. Коренастая широкая в плечах фигура, руки сжимались в кулаки с такой силой, что казалось камень в состоянии размолоть в порошок. Переставляя свои ноги с такой силой, что хлопья побуревшего снега как брызги летят из-под его мощных ног, на лице сложная игра мускулов. В самой сложной боевой обстановке Ефанов - кремень. Он всегда руководствовался положениями: "Офицер всегда должен обладать присутствием духа, ибо его состояние немедленно передается подчиненным". ~~Целе боя усейно трупами. Кругом разбита техника. Убитые застыли в чудовищных позах: руки сброшены, ноги сведены, из раскрытого рта сквозят белые зубы как бы где вырываются вали.~~

В этой обстановке Ефанов поставил задачу своей артиллерии, произвел перегруппировку. Командирам батальонов поставил задачу: "Ни шагу назад!". Идет бой. В этот момент командир противотанкового орудия сержант Кучеренко, запыхавшись от бега, хотел что-то доложить, но Ефанов прервал его и приказал занять выгодную позицию для уничтожения контратакующих танков противника. Лично сам со своим радистом и связными вскочил в траншею для управления боем. У Ефанова еще сильнее сдвинулись брови. Он видит каких нечеловеческих усилий стоит людям его полка вести бой на этом изрытом, вздыбленном снарядами и бомбами поле боя.

Слева наступал 159 стрелковый полк под командованием подполковника Чернусских. Третий батальон полка под командованием капитала Околот наносил главный удар. Левее его наступал первый батальон. Капитан Околот человек мужественный, волевой, решительный. В своем белом халате, отдавая приказ командиру восьмой роты Гайнулину и командиру девятой роты Труневу требовал от них решительных внезапных действий после броска в атаку.

И действительно роты Гайнулина и Трунева почти без потерь овладели первой позицией противника. Первому батальону полка удалось вклиниться в передний край обороны дальнейшего успеха не имел. Капитан Околот прекрасно понимал, что хотя и овладел первой позицией врага, хотя и захватил первые три траншеи, но это еще далеко не все, что впереди, еще вторая позиция, что впереди еще опорный пункт - Извоз. Командир батальона Околот поставил задачу командиру роты Гайнулину и командиру роты Труневу, охватывая с востока и запада, овладеть опорным пунктом Извоз. Выполняя поставленную задачу, подойдя к Извоз, где противник оказал сильное сопротивление. Особенно большой вред наносил огонь двух самоходно-артиллерийских установок противника, в результате чего батальон залег, было выведено из строя орудие прямой наводки батальона. Командир полка подполковник Чернусских усилил третий батальон двумя противотанковыми пушками, одновременно дал сосредоточенный огонь своей артгруппой по опорному пункту Извоз. Бой продолжается. Орудия прямой наводки уничтожили одну самоходно-артиллерийскую установку врага. другая отошла, скрылась. Под прикрытием огня артиллерии капитан Околот атаковал и овладел опорным пунктом Извоз. Во время атаки ефрейтор Зырянов встретил пулеметную огневую точку врага, наносившая большой урон роте Гайнулина. Зырянов был неутомим, человек с большой смекалкой, без единого выстрела подполз во фланг к огневой точке врага, забросал ручными гранатами, уничтожил весь расчет и первый ворвался в Извоз, водрузил над деревней Красный флажок. За этот боевой подвиг он был награжден орденом Великой Отечественной войны первой степени.

Рядовой Анищенко в момент перебежки был смертельно ранен, упал на снег. Как выяснил потом Фадеев подбежал к нему, присел увидел пуля пробила горло и навывлет вышла в затылок. Раненый хрипел, судорожно дергаясь всем телом, ноги бились в неистовой агонии, руками сжав комки снега. Кровь залила полущубок и автомат лежавший рядом. Хрип и конвульсии тела прекратились. Пальцы Фадеева щупали пульс своего друга, не веря, что он скончался. Убедившись, что Анищенко больше нет, он любовно, нежно накрыл шапкой лицо своего товарища. Крупные слезы катились по его щекам. Созревшее чувство уважения за дни совместной героической борьбы объединило их мужской любовью теснее, чем могло бы объединить их за целые годы обычной дружбы. В глазах Фадеева было безмерное сожаление о молодой жизни Анищенко. И он тут невольно вспомнил слова своего друга по оружию: "Расмозжи череп врагу, сохранишь свой, не сумеешь - снесут твой". Вот и вся философия". Он вдруг почувствовал какую-то пристыженность: - "Нет, я должен бить, - подумал он, - крепко, как валун", и продолжал перебежки с чувством негодования и преисполненный ненависти к гитлеровцам. И теперь он еще сильнее, еще крепче подчинил всю свою волю, всю свою жизнь борьбе с варварами. Что сказали бы, увидев этого бывшего тихого студента, находясь в стенах университета, и теперь какими его видели на поле боя, как он действовал с автоматом, ручными гранатами - трудно поверить.

Генерал, ведя наблюдение на поле боя, управляя боем, думал о том, что решалась пока ближайшая задача дивизии, в то время, как по плану, по времени уже должна выполняться дальнейшая;

искусно ходивший на лыжах. Он всегда на поясе в чехле носил финку. Иногда бывало при встрече в форме шутки спросишь:

- Что это у Вас, капитан Марченко, за оружие?

Он тут же положит лыжные палки и своими руками с короткими пальцами с особым мастерством вытащит из чехла финку, и так ловко ее вращает то вниз, то вверх, то вправо, то влево, потом в воздухе проделает такие вентзеля, с такой простотой и легкостью, что финки не видно, она только сверкает. И тут же скажет: - "Каждый сверток имеет свой шесток". Попадется не уйдет". Что под этими словами понимать, он не рассказывал. И вот он, выполняя боевую задачу, захватывая опорный пункт Большое Стречно во взаимодействии с подразделением 161 стрелкового полка, продвигаясь метр за метром, ворвался и овладел опорным пунктом. Первыми ворвались командир взвода Добронравов и командир взвода Коняхов. Противник батальоном пехоты с самоходно-артиллерийскими установками и танками наносит контратаку. Вновь завязался тяжелый бой. Самоходки вот уже в двухстах метрах. Создалась угроза окружения лыжного батальона. Офицер способный владеть собой, сразу обретает ясность мысли и в сложной обстановке чаще всего принимает правильное решение. ^{Комбат} ~~Инициативно~~ мгновенно оценил обстановку, приказал лыжникам занять бывшие траншеи противника, подготовил два отделения бойцов со связками гранат для встречи приближающихся самоходок противника. Лично сам со своими тремя связанными заменил выбившица из строя расчет 57-миллиметрового противотанкового орудия, и он оказался настолько в артиллерийском отношении грамотным, что первыми тремя выстрелами зажег две самоходно-артиллерийские установки противника, третья отошла за укрытие. Вся система огня лыжного батальона заставила контратакующую пехоту противника залечь,

а затем начать беспорядочный отход.

В 21 час ~~взрывчатка~~ ^{он} ~~Иванов~~ по радио без всякого условного кода доложил: "Прочно закрепился в Большое Стречино. Привожу все в порядок для дальнейших действий." И в тот момент, когда со своим адъютантом, ординарцем и тремя связными, выходя из траншеи, и не успев поставить ногу на бруствер окопа, как был смертельно ранен в живот и в ногу осколками разорвавшейся снаряда противника. Как было установлено, капитан Марченко, чувствует, что теряет последние силы по радио передал: "Фрицев уложил до черта. Хотелось ...". И все оборвалось. Ему сделали перевязку живота и ноги большим количеством бинтов, сквозь которые быстро проступили кровавые пятна. Струйки крови показались из-под повязки и медленно текли по брням. Через некоторое время он скончался. Теплый пар из комочков снега, куда сочилась кровь, постепенно рассеивался. Всюду и везде каждую секунду вражеские снаряды разрывают тело земли русской. Адъютант Федоров и ординарец Коля Чистяков неподвижно, молча, пристально смотрят друг на друга. Глаза Чистякова мигали, как бы пряча под завесой век волнение. Оба не проронив ни слова, глубоко переживали потерю прекрасного офицера и товарища. Наконец Чистяков не выдержал, присел на кочку и, прячась, вытирая кулаком лицо, горько плакал, плакал так обильно, что щеки его сходили и размазывались слезы. Вскоре его тело становилось неподвижным, холодным. Бледное лицо, глаза плотно прикрывались веками. Правой рукой крепко обнял прикрепленную к поясу сверх полумубка в чехле финку.

"Попадется, не уйдет!" - вспомнил адъютант Федоров слова своего начальника.

Да, вся его жизнь звенела и сияла радостью. Но вражеское зло, как черный призрак, подстерегло этого замечательного офицера. Труп положили до прихода санитаров, а красные окровавленные комочки засыпали свежим белым снегом.

Так и хочется сказать словами поэта:

" Ты кончил жизни путь, герой,
Теперь твоя начнется слава,
И в песне Родины святой
Жить будет образ величавый".

161 стрелковый полк Ефанова продолжал вести упорный бой, охватывая крепкий "орех" с целью уничтожения живой силы и овладеть опорным пунктом Малое Стречно, игравший в обороне противника решающую роль.

Глубокие траншеи с хорошо подготовленными ходами сообщения, минные поля, сплошной фланговый и фронтальный пулеметный огонь - все это не давало никакой возможности нашей пехоте подойти даже на расстояние прямого ружейного выстрела. Ефанову ни один раз приходилось водить людей в атаку и вести бой в глубине обороны врага, но такого напряженного боя он не помнит. ~~Никак полка была противником, так как не было возможности и не было, что не хватало и не хватало, и не хватало~~
И только с наступлением темноты командир полка сосредоточенным огнем артиллерии подавил противника, ввел в бой последний свой резерв - ~~и всеми имеющимися силами полка внезапно атаковал и овладел мощным опорным пунктом - Малое Стречно. Первым ворвался командир роты со своими бойцами старший лейтенант Сидоров. Сам Ефанов в изорванном белом халате, чуть прихрамывая вскочил в траншею,~~

где уже была часть его солдат. За ним следовали остальные. Противник накрыл минометным огнем, несколько человек упало.

- Подтянуть все противотанковые орудия, - приказание командира дивизии, - организовать надежную оборону. Во что бы то ни стало удержать Малое Стречно!

- Есть, товарищ двадцатый, - ответил Ефанов.

Мужественный, храбрый, быстрый в решениях командир полка, в месиве глубокого слоя снега, со своими офицерами штаба помогает бойцам подтянуть на огневые позиции противотанковые пушки, организует систему пулеметного огня, отдает распоряжение командирам батальонов: - Родная матушка разве позволит отдать то, что завоевано кровью, - думал Ефанов, - нет шалишь!

Его лицо обветрено, суровое, строгое, глаза блестели, ноздри трепетали. Ему было жарко, расстегнув бараний полушубок, холодный ветер развивал полы, могучая грудь мерно вздымалась.

*Иногда вставая ночью - ночью, слышат мороз или похолодание
иногда слышат мороз, слышат "шалишь", слышат слышат, слышат
шалишь, слышат слышат, слышат слышат слышат слышат
шалишь*

Едва полк Ефанова успел закрепиться, как батальон пехоты противника в трех танками и двумя самоходно-артиллерийскими установками предпринял вторую более яростную контратаку с целью восстановить утраченное положение. Только что решил одну задачу, другая вырастает и опять борьба. У Ефанова лицо как небо: то собираются на нем грозные тучи, то ясно сияет радость. И переходит от одного к другому всегда резко и неожиданно. Но важно то, что когда приходит гнев - разум всегда с ним. Ефанов теперь несколько увереннее. Система пулеметного огня, противотанковая оборона наготове. "Когда гроза отгремела, - подумал он про себя, - стоит ли опасаться угасшей

молнии". Вместе с тем по лицу его словно бродили отзвуки пережитого боя, оно все время менялось и менялся голос.

Командир дивизии заградительным огнем дивизионной артиллерийской группы преградил контратаку пехоты врага. Но его два танка и одна самоходно-артиллерийская установка в 150-200 метрах подходят все ближе и ближе. Командир противотанкового орудия сержант Кучеренко подбил оба танка врага. Самоходка отошла, Пехота противника, понеся потери, начала быстро и беспорядочно отходить. Таким образом, 161 стрелковый полк и лыжный батальон отразили все контратаки. Малое Стречно и Большое Стречно прочно в наших руках. Командир полка Ефанов убедившись, что боевая задача полка решена, лицо его взволнованное, но он привык сдерживать свои чувства, таить их в душе, не давая им проявиться. Но в конце концов чувство радости взяло верх. Он притянул за плечи своего начальника штаба, майора Ярошкевича, и ничего не говоря трижды своими небритым лицом уколол щеки Ярошкевича, потом как бы удивившись, но все еще крепко держал его за плечи. И хотя он стремился сохранить кажущуюся свою невозмутимость и спокойствие, не хуже любого дипломата, но после таких сильных испытаний у самых бесстрашных людей душа не только усиливается, но и ослабевает.

В 22 часа Ефанов доложил генералу: "Малое Стречно полностью очищено, контратаки отбиты. Захвачено много трофеев. На поле боя свыше шестисот трупов солдат и офицеров противника. Привожу все в порядок". Генерал поздравил Ефанова с успехом, ^{подносковским} ~~и~~ сказал: "Спасибо Вам, ~~и~~ за службу. Представляю Вас к награде орденом Красного знамени. Представьте документы на всех, кто достоин правительственных наград".

У Ефанова как-будто подступил комок к горлу, который не мог проглотить, ответил глухим утробным голоом: -" Служу Советскому Союзу". Положил трубку и почувствовал, что-то властно вошло в его душу. Майор Ярошкевич взглянул ему в глаза и только заметил одно, что во взгляде Ефанова было стоическое ~~спокойствие~~ спокойствие. А затем доложил: "Товарищ командир полка, распоряжение из штаба дивизии: подготовить полк к дальнейшим действиям на рассвете 16 февраля".

159 стрелковый полк, ведя упорный бой, продвинулся на два километра вглубь обороны. И, поскольку сосед слева успеха в продвижении не имел, по указанию генерала, полк выделил часть своих сил в заслон для обеспечения левого фланга дивизии от возможных контратак противника слева. Основные силы полка в тяжелом и трудном бою к 22 часам вышли и овладели районом позиций полковых резервов, расположенных в 3-3,5 километрах в глубине обороны.

В это же время (22 часа) из штаба армии была получена шифровка, где указывалось, что с 8³⁰ до 9⁰⁰ 16 февраля нашей авиацией будет нанесен удар по опорным пунктам Кукуй, Кокорино, Высотова. Команд ~~Учю~~ армии требовал выполнения задачи. Генерал решил с утра за ударами авиации по опорным пунктам атаковать и овладеть позициями дивизионных резервов противника и тем самым выполнить поставленную боевую задачу. Пользуясь относительной паузой ночи, Клешнин на короткое ~~ме~~ собрал командиров частей для объявления решения боевой задачи.

Сначала он заслушал предложение командующего артиллерией дивизии. Полковник Синотов - волевой, прямой, властный и гордый на натуре офицер, держал в руках планшет, и как видно, стало, он уже ^{все} продумал, глядя то в глаза генерала, то на командиров полков, лаконично доложил:

- *Перед атакой провести 15 минутную артиллерийскую подготовку, совместно и во взаимодействии с ударами авиации*. Командир дивизии поставил командирам полков задачи. Командиру 157 стрелкового полка подполковнику Дудченко надлежало с остатками лыжного батальона атаковать и овладеть позициями дивизионных резервов и опорными пунктами Кукуй, Кокорино. Вся подготовка к рассвету была закончена. Но под утро местность оказалась закутана в туман, как спящий человек в одеяло. В четырех шагах не были видно ни зги. А это не только укрытие, но и западня. И только к 9 часам стена тумана раздалась или рассеялась. Вся осветилось, стало ~~как~~ не легче, ~~то~~ ясней. Но все же туман сыграл положительную роль, так как, благодаря ему удалось подвести боевые порядки пехоты, примерно на расстоянии 80-100 метров от обороны противника. Авиационные удары и артподготовка началась на полчаса позже. 157 стрелковый полк атаковал, ~~выиграл~~ и захватил первую траншею, ведет бой по захвату второй. Со стороны опорного пункта Кукуй противник оказывал упорное сопротивление, вокруг которого были хорошо подготовлены траншеи, дзоты. Идет тяжелый бой. Удары авиации противника по боевым порядкам дивизии, особенно по 157 стрелковому полку, возрастали. Глубокий слой снега затруднял пехоте производить маневрирование. Наступление замедлялось. Бой длится уже около шести часов. Клешнин для развития успеха вводит в бой последний свой резерв - полковую школу под командованием майора Потиханова. Полковая школа - это лучший состав наиболее крепкие физически и морально солдаты. Будущие сержанты дивизии. Во второй половине дня после мощного огневого налета всей дивизионной артиллерии по опорным пунктам Кукуй, Кокорино, 157-й

стрелковый полк, во взаимодействии с полковой школой и остатками лыжного батальона, атаковал и к исходу дня овладел опорными пунктами, закрепился, тем самым была выполнена боевая задача дивизии, прорвана вся тактическая полоса обороны противника.

Характерно, что командир полка Дудченко в критической обстановке держит себя спокойнее и выдержаннее, чем в обычной. И это в нем выработывалось не столько опытом командования полком, сколько присуще было его натуре. Это его умение спокойно ставить задачи подчиненным, помогало ему в его практической работе. Полковая школа проявила беспримерный подвиг в этом бою, и прежде всего большая заслуга была начальника полковой школы майора Потиханова, показавшего пример мужества и героизма. И уже после этого, как боевая задача была решена, от осколка авиабомбы врага пал смертью храбрых. На другой день противник предпринял две яростные контратаки, которые были успешно отражены. Боевая задача дивизии, наступавшей на главном направлении армии, была выполнена, как и выполнена задача всей первой ударной армией.

За этот трудный, тяжелый бой дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Боевыми орденами была награждена большая группа солдат и офицеров. Орденами Суворова второй степени был награжден командир дивизии генерал-майор Клешиин. Командование фронтом объявило благодарность всему составу дивизии. И, когда после боев посмотрел на поле боя, мозги наливаются думами о нашей борьбе, об этих жертвах, что остались безвестными на полях Великой Отечественной войны. Так, незаметно ушедшие из боевых рядов. Каждый из них отдал все, что имел и без остатка, молча никем неузнанный, никем не прославленный.

Часть из них отмечена, записаны в славные страницы боевых подвигов, а часть остались тем, чем для археологов остается надпись, в которой недостает по меньшей мере трех четвертей букв. В голове целый ряд неотвязчивых мыслей, всяких воспоминаний. Сердце сжимается и замирает тем необъяснимым особым волнением. Да ни одному повествователю, каким бы добросовестным он не был, не дано запечатлеть полностью облик той грозной тучи, имя которой - наступательный бой. Картина поля боя после наступления заставляет вздрагивать и закаленного солдата и новичка. Точнее не страх это и не ужас, а напряжение мыслей и нервов. Такое впечатление никогда не изглаживается из памяти и воскресает, когда душа жаждет утешения. Во всех наступательных боях наша дивизия проявляла исключительную волю и энергию в деле выполнения боевой задачи.

14.2.72
(73.72)

Гелик